

Изъ Харьковской театральной старины.
Харьковский театр во времена Млотовского (1833—1843 гг.).
Нужно, повсего (Продолжение)
Край 23 1843 г.

Рыбаковъ игралъ въ Харьковѣ при Млотовскомъ до 1841 года. Онъ прѣхалъ сюда изъ Курска 20-ти лѣтнимъ юношей и начинающимъ актеромъ, скоро выдвинулся впередъ, сдѣлался любимцемъ публики и занялъ амплу „героевъ“ и трагика, пожиная лавры въ первое время въ пьесахъ Озерова, а затѣмъ—въ роляхъ Гамлета, Велизарія и т. д. Громадный ростъ, видная осанка, правильныя и благородныя черты лица, сильный и музыкальный голосъ, пластичность позъ и движеній, неподдѣльное чувство и несомнѣнный, хотя и необработанный, талантъ—все это, вмѣстѣ взятое, выдавало Рыбакова изъ ряда вонъ и создавало ему громкую извѣстность въ провинціи, не смотря на довольно небрежное отношеніе къ искусству и зависимость его игры отъ настроенія минуты. Рыбаковъ знала „вся Россія“ и онъ до конца своей жизни (Рыбаковъ умеръ въ 1876 году, 65 лѣтъ отъ роду) считался даровитымъ и выдающимся актеромъ. Съ появленіемъ бытоваго репертуара Рыбаковъ сталъ выступать и въ комическихъ роляхъ и имѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ такой же успѣхъ, какъ въ своемъ старомъ репертуарѣ. Закончивъ свое образованіе 14-ти лѣтъ отъ роду, че-

* См. „Южный Край“, №№ 4227, 4232, 4238, 4245, и 4280.

тырмья классами Курской гимназій, Рыбаковъ учился, что называется на мѣдныя деньги, и не особенно заботился о томъ, чтобы пополнить этотъ недостатокъ, и это связывалось на его игрѣ. Его выручали врожденное артистическое чутье и талантъ, имъ то онъ былъ обязанъ своими успѣхами. Какъ человѣкъ, Рыбаковъ внушалъ къ себѣ, не смотря на свои чудачества, на свой нѣсколько рѣзкій и грубоватый тонъ, не смотря на свое самолюбіе и непреодолимую склонность рассказывать всякія небылицы, глубокое уваженіе. Рыбаковъ—былъ однимъ изъ самыхъ типичныхъ и въ то же время благородныхъ представителей театральной міра прежнихъ временъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были напечатаны мною въ „Южномъ Краѣ“ нѣсколько статей о Рыбаковѣ, и въ этихъ статьяхъ я сгруппировалъ все, что могъ найти о немъ въ печати. Отсылая къ этимъ статьямъ желающихъ подробно познакомиться съ біографіей Рыбакова, не разъ появлявшагося на Харьковской сценѣ и послѣ Млотовскаго, я возмѣщая повтореніе сказаннаго раньше, приведу здѣсь лишь то, что появилось о Рыбаковѣ въ воспоминаніяхъ близкихъ къ нему людей уже послѣ того, какъ былъ написанъ мною его біографическій очеркъ, а именно въ воспоминаніяхъ московскаго актера Лаврова и петербургскаго, а также и харьковскаго актера Алексѣева, на которыхъ я уже ссылался въ предыдущей статьѣ. Въ этихъ воспомина-

ніяхъ ярко отражается своеобразная личность Рыбакова и хотя въ нихъ говорится о тѣхъ временахъ, когда Рыбаковъ уже вышелъ изъ труппы Млотовскаго и когда Млотовскаго уже не было въ Харьковѣ, тѣмъ не менѣе по нимъ можно составить ясное понятіе о Рыбаковѣ той поры, когда онъ пожиналъ лавры на Харьковской сценѣ описываемой эпохи.

Алексѣевъ познакомился и облизился съ Рыбаковымъ въ Ромнахъ въ 1844—45 г., и вотъ что онъ рассказываетъ про него на основаніи своихъ многолѣтнихъ дружескихъ и родственныхъ отношеній съ знаменитымъ провинціальнымъ трагикомъ *:

„Во время совмѣстнаго пребыванія съ покойнымъ Николаемъ Хрисановичемъ на одной сценѣ, а впослѣдствіи даже породнившись, мнѣ пришлось довольно близко узнать его и полюбить всѣмъ сердцемъ. Это былъ добрый, искренній, прямой и безитропный человѣкъ, неоцѣнимый товарищъ и примѣрный семьянинъ. Обладая въ точномъ смыслѣ слова „артистической“ натурой, то есть, будучи немножко на правахъ гения, онъ не питалъ достойнаго уваженія къ презрѣнному металлу и относился къ нему почти равнодушно. Николай Хрисановичъ не зналъ „последней копейки“ и о завтрашнемъ днѣ совѣтъ не думалъ. По своей безконечной добротѣ, онъ въ состояніи былъ снать съ себя единственный сюртучикъ и

отдать его неимущему; а про деньги и говорить нечего. Если, бывало, жена не успѣетъ отобрать ихъ отъ него, то, не смотря ни на какую ихъ значительность, онъ „протираетъ имъ глаза“ въ самое непродолжительное время.

— Ты, кажется, бѣденъ,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ какому нибудь собутылнику или просто первому встрѣченному.

— Нельзя сказать, Николай Хрисановичъ, чтобы очень бѣденъ былъ... — Я, братъ, отлично все вижу и понимаю, потому что я самъ живу безъ достатковъ и претерпѣваю лишенія... Деньги тебѣ нужны. Говори мнѣ прямо.

— Помилуйте, Николай Хрисановичъ, кому по нынѣшнему времени деньги не нужны?.. Всѣ мы нуждаемся... — За откровенность—спасибо!

— Какал же это откровенность—изумляется собесѣдникъ:—это просто такъ, къ слову сказано... — Все равно—спасибо! И за эту самую откровенность я тебѣ денегъ дамъ. Говори, сколько тебѣ нужно? — Что вы, что вы, Николай Хрисановичъ, не попрубуете продебютировать на Императорской сценѣ? спросилъ Рыбакова кто-то.

— Я уже почти дебютировалъ, отвѣчалъ Рыбаковъ такимъ тономъ, послѣ котораго непремѣнно должно было слѣдовать вранье.

— Какъ такъ почти? — Какъ такъ почти? — А такъ. Донесъ кто-то Великому Князю Михаилу Павловичу, что я

его характеромъ и жестоко его обирали, что, впрочемъ, не оберегало его отъ нихъ, и онъ охотно поддерживалъ съ ними дружбу.

— Какъ всѣ „великіе“ люди, говоритъ г. Алексѣевъ далѣе: Рыбаковъ имѣлъ свои слабости, впрочемъ, невыгодныя для него самого и безобидныя для всѣхъ остальныхъ: выпить лишнюю чарку водки и поврать. Вралъ онъ былъ знаменитый, и его вранье, кажется, признано классическимъ. Про него существуетъ такая масса анекдотовъ, что если бы всѣ ихъ собрать да напечатать, то вышла бы объемистая книга, по своему содержанію нисколько не уступившая бы барону Мюнхаузену“.

Въ видѣ обращика авторъ воспоминаній приводитъ рассказъ Рыбакова о его несостоявшихся дебютахъ въ Петербургѣ и о близкихъ, чуть не пріятельскихъ отношеніяхъ съ... Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

„Какъ то разъ предъ спектаклемъ разговорились актеры про казенные театры. Разговоръ былъ продолжительный и спорный.

— А отчего вы, Николай Хрисановичъ, не попрубуете продебютировать на Императорской сценѣ? спросилъ Рыбакова кто-то.

— Я уже почти дебютировалъ, отвѣчалъ Рыбаковъ такимъ тономъ, послѣ котораго непремѣнно должно было слѣдовать вранье.

— Какъ такъ почти? — Какъ такъ почти? — А такъ. Донесъ кто-то Великому Князю Михаилу Павловичу, что я

существую въ провинціи. Вотъ онъ обрадовался и выписалъ меня въ Петербургъ. Пріѣзжаю я съ курьеромъ и прямо во дворецъ. „А, это ты“, говоритъ Великій Князь. „Да, отвѣчаю, я“. „Вотъ молодецъ, говоритъ, что пріѣхалъ, а я думалъ, что закапризничаешь“. А я отвѣчаю: „никогда, Ваше Высочество, не закапризничаю“.

— Рыбаковъ перевелъ духъ и гордо произнесъ: — Вотъ какой мнѣ пріемъ былъ, даже какъ вспомню, и теперь слеза доносится!..

— Ну, а дальше-то что? пристаивали къ рассказчику.

— Дальше-то мнѣ говорить Михаилъ Павловичъ: „ты будешь служить у насъ, но долженъ предупредить тебя, что Каратыгинъ очень завистливъ и будетъ интриговать“. Я отвѣчаю: „Ничего, если будетъ много шебаршиться,—любю“. Потѣмъ и говорю: „Онъ будетъ стараться не допускать тебя до дебюта, ты какъ-нибудь подкрѣпись и не пей до перваго выхода, а потомъ валий, какъ тебѣ будетъ угодно“. Я пообѣщалъ, пошелъ въ гостиницу, остановился въ ней и сталъ роль зубрить. Зубрилъ, зубрилъ, выпить страхъ захотѣлось, но я крѣплюсь. Вотъ пообѣдалъ и все крѣплюсь. На другой день тоже крѣплюсь, а къ вечеру сталъ дьяволъ меня соблазнять.

— Какимъ образомъ? — Вижу вдругъ я: въ чекѣ штофъ водки дрыгаетъ, то покажется, то

опять вверхъ поднимется, и пицить какой-то жиденькій голосишко: „выпей, выпей, выпей“. Крѣпился, крѣпился, не стерпѣлъ. Поймалъ этотъ штофъ и выпилъ. Приходятъ звать на репетицію, а я еле языкомъ шевелю, ну, конечно, доложили Михаилу Павловичу. „Жаль, сказалъ онъ Рыбакову! да ничего не подѣлаешь, а все это штуки Каратыгина“. Меня отправили на казенный счетъ, а Каратыгина за навозженіе на меня нечистой силы посадили на мѣсяцъ подъ арестъ. Вотъ такъ мое поступленіе и не состоялось“.

„Нужно-ли прибавлять, какъ во все время его разсказа присутствовавшіе еле удерживались отъ смѣха, чтобы не разсердить Николая Хрисановича, не любившаго недоумѣнія къ своимъ словамъ, и какимъ хохотомъ они разразились въ концѣ концовъ? Рыбаковъ только прикрикнулъ:

— Дурачье! Побывали бы въ моей шкурѣ, такъ не до смѣху бы вамъ было!..

Когда Рыбаковъ рассказалъ всю эту исторію, онъ, по всей вѣроятности, и въ Петербургѣ еще не былъ. Его дебюты на столичныхъ сценахъ состоялись гораздо позже—въ 50-хъ годахъ, сопровождались большимъ успѣхомъ, но ни къ чему не привели: и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ театральное начальство отнеслось къ нему съ высочайшей небрежностью и холодностью и предлагало ему ангажементъ, но на такихъ условіяхъ, которыя Рыбаковъ считалъ ниже своего достоинства, и потому отказался отъ него.

Г. Алексѣевъ рассказываетъ еще нѣсколько анекдотовъ о Рыбаковѣ, показывающихъ, какъ онъ относился къ искусству. Разъ какъ-то онъ игралъ Іоанна Грознаго въ „Опричникѣ“ Лажечникова и сталъ вставать туда дѣллы тирады изъ „Бориса Годунова“ Пушкина. Когда ему кто-то изъ актеровъ указалъ на это, Рыбаковъ отвѣчалъ:

— Что-жъ, по твоему Пушкинъ то не поважнѣе Лажечникова? При такой „беззаботности“ Рыбакова „на счетъ литературы“ нечему удивляться, что онъ пресерьезно предложилъ однажды одному антрепренеру разыграть „Уголино“ въ сюртукахъ и во фракахъ. Что дѣлать? Знаменитый провинціальный трагикъ не любилъ „пускаться въ философію“ и воспитался въ такой средѣ, гдѣ о строгихъ требованіяхъ относительно театра не могло быть и рѣчи...

„Павлина Герасимовна Рыбакова, * читаемъ, между прочимъ, въ воспоминаніяхъ г. Алексѣева: отлично знавшая неукротимый нравъ своего супруга, отбирала отъ Николая Хрисановича всѣ деньги, какія только у него случались, иногда даже вмѣстѣ съ нимъ ходила получать его жалованье и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ не бралъ отъ антрепренера „въ счетъ будущей полочки“. Къ этому принуждала ее безалаберная патура мужа, который, благодаря своей артистической беззаботности, очень часто заставлялъ семью терпѣть нужду и лишения. Поэтому, когда деньги по-

пали въ руки Павлины Герасимовны, Рыбаковъ самъ превращался въ нуждающагося человѣка и выпрашивалъ у нея дѣлковые на карманные расходы“. При этомъ онъ пускался иногда и на разные хитрости при помощи своей излюбленной Мольгаузовщины**.

Лавровъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ съ Рыбаковымъ въ Таганрогѣ въ 1849 году, въ слѣдующихъ годахъ встрѣтился въ Харьковѣ и ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Полтаву. И на г. Лаврова Рыбаковъ сдѣлалъ такое же впечатлѣніе, какъ на г. Алексѣева: и онъ съ уваженіемъ отзывался о дарованіи и благородной природѣ трагика и подшу, чиваетъ надъ его странностями.

А вотъ и дальнѣйшія воспоминанія г. Лаврова объ „артистѣ съ огромнымъ талантомъ“:

„Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова знающіе его актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ запоємъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали, но въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія собралось насъ нѣсколько товарищей, что-бы провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакштатскаго или сантуринскаго, а кто вегеринскаго (греческаго вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, торговые дѣти, соблазнили вы меня! Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго, давно я его не пивалъ. „И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ отвезти его къ себѣ на почлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то эту самую машину подальше-то и не дотащилъ бы. Съ этого вечера и по-

шелъ нашъ Н. Х. пить, да такъ, что и удержу не было. Спасибо, жена его скоро пріѣхала, ну и уняла“.

Далѣе г. Лавровъ пересказываетъ нѣкоторые изъ импровизаций Рыбакова. Приводимъ самую типичную и самую забавную изъ нихъ, все на ту же тему о близости его съ Царской Фамиліей.

— Меня самъ Государь Николай Павловичъ знаетъ, сказалъ какъ-то разъ Рыбаковъ.

— Гдѣ же это вы съ нимъ познакомились? смиренно, но лукаво вопрошаетъ Дорошенко.

— Дураки! Гдѣ познакомился?... Да развѣ онъ мало видѣлъ меня на сценѣ?... А потомъ въ бытность мою въ Севастополѣ пошелъ я одинъ разъ купаться. Тамъ была особая купальня для высшихъ лицъ. Ну, конечно, какъ меня всѣ знали и любили, то безъ всякаго затрудненія и позволили ходить въ эту купальню. Въ это же время въ Севастополѣ изволилъ пребывать Государь Николай Павловичъ. Вотъ хорошо! Купаюсь я себѣ; вдругъ, входитъ, какъ мнѣ показалось сначала, генералъ величественнаго вида... Я хотѣлъ, было, изъ вѣжливости выдти изъ воды, какъ слышу:

— А!... Николай Хрисановичъ!... Здорово, братецъ!... Какъ поживаешь? „Какъ глянулъ я, такъ и вздрогнулъ,—это былъ самъ Государь.

— „Извините, говорю, Ваше Величество..., не зналъ, что вы хотите пожаловать сюда...“.

— Ничего, братецъ, ничего! Не пужайся, отвѣтилъ Государь,

силъ остаться, но только съ тѣмъ, чтобы и жену его приняли на службу. Дирекція исполнила всѣ его требованія“... „Кромѣ игранихъ имъ превосходно драматическихъ ролей, замѣчаетъ г. Лавровъ далѣе: онъ очень оригинально и хорошо исполнилъ и комическія роли, какъ, напримеръ, Яичницу („Жепитьба“) и Землянику („Ревизоръ“). Артистъ съ огромнымъ талантомъ“.

А вотъ и дальнѣйшія воспоминанія г. Лаврова объ „артистѣ съ огромнымъ талантомъ“:

„Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова знающіе его актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ запоємъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали, но въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія собралось насъ нѣсколько товарищей, что-бы провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакштатскаго или сантуринскаго, а кто вегеринскаго (греческаго вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, торговые дѣти, соблазнили вы меня! Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго, давно я его не пивалъ. „И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ отвезти его къ себѣ на почлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то эту самую машину подальше-то и не дотащилъ бы. Съ этого вечера и по-

шелъ нашъ Н. Х. пить, да такъ, что и удержу не было. Спасибо, жена его скоро пріѣхала, ну и уняла“.

Далѣе г. Лавровъ пересказываетъ нѣкоторые изъ импровизаций Рыбакова. Приводимъ самую типичную и самую забавную изъ нихъ, все на ту же тему о близости его съ Царской Фамиліей.

— Меня самъ Государь Николай Павловичъ знаетъ, сказалъ какъ-то разъ Рыбаковъ.

— Гдѣ же это вы съ нимъ познакомились? смиренно, но лукаво вопрошаетъ Дорошенко.

— Дураки! Гдѣ познакомился?... Да развѣ онъ мало видѣлъ меня на сценѣ?... А потомъ въ бытность мою въ Севастополѣ пошелъ я одинъ разъ купаться. Тамъ была особая купальня для высшихъ лицъ. Ну, конечно, какъ меня всѣ знали и любили, то безъ всякаго затрудненія и позволили ходить въ эту купальню. Въ это же время въ Севастополѣ изволилъ пребывать Государь Николай Павловичъ. Вотъ хорошо! Купаюсь я себѣ; вдругъ, входитъ, какъ мнѣ показалось сначала, генералъ величественнаго вида... Я хотѣлъ, было, изъ вѣжливости выдти изъ воды, какъ слышу:

— А!... Николай Хрисановичъ!... Здорово, братецъ!... Какъ поживаешь? „Какъ глянулъ я, такъ и вздрогнулъ,—это былъ самъ Государь.

— „Извините, говорю, Ваше Величество..., не зналъ, что вы хотите пожаловать сюда...“.

— Ничего, братецъ, ничего! Не пужайся, отвѣтилъ Государь,

силъ остаться, но только съ тѣмъ, чтобы и жену его приняли на службу. Дирекція исполнила всѣ его требованія“... „Кромѣ игранихъ имъ превосходно драматическихъ ролей, замѣчаетъ г. Лавровъ далѣе: онъ очень оригинально и хорошо исполнилъ и комическія роли, какъ, напримеръ, Яичницу („Жепитьба“) и Землянику („Ревизоръ“). Артистъ съ огромнымъ талантомъ“.

А вотъ и дальнѣйшія воспоминанія г. Лаврова объ „артистѣ съ огромнымъ талантомъ“:

„Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова знающіе его актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ запоємъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали, но въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія собралось насъ нѣсколько товарищей, что-бы провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакштатскаго или сантуринскаго, а кто вегеринскаго (греческаго вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, торговые дѣти, соблазнили вы меня! Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго, давно я его не пивалъ. „И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ отвезти его къ себѣ на почлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то эту самую машину подальше-то и не дотащилъ бы. Съ этого вечера и по-

шелъ нашъ Н. Х. пить, да такъ, что и удержу не было. Спасибо, жена его скоро пріѣхала, ну и уняла“.

Далѣе г. Лавровъ пересказываетъ нѣкоторые изъ импровизаций Рыбакова. Приводимъ самую типичную и самую забавную изъ нихъ, все на ту же тему о близости его съ Царской Фамиліей.

— Меня самъ Государь Николай Павловичъ знаетъ, сказалъ какъ-то разъ Рыбаковъ.

— Гдѣ же это вы съ нимъ познакомились? смиренно, но лукаво вопрошаетъ Дорошенко.

— Дураки! Гдѣ познакомился?... Да развѣ онъ мало видѣлъ меня на сценѣ?... А потомъ въ бытность мою въ Севастополѣ пошелъ я одинъ разъ купаться. Тамъ была особая купальня для высшихъ лицъ. Ну, конечно, какъ меня всѣ знали и любили, то безъ всякаго затрудненія и позволили ходить въ эту купальню. Въ это же время въ Севастополѣ изволилъ пребывать Государь Николай Павловичъ. Вотъ хорошо! Купаюсь я себѣ; вдругъ, входитъ, какъ мнѣ показалось сначала, генералъ величественнаго вида... Я хотѣлъ, было, изъ вѣжливости выдти изъ воды, какъ слышу:

— А!... Николай Хрисановичъ!... Здорово, братецъ!... Какъ поживаешь? „Какъ глянулъ я, такъ и вздрогнулъ,—это былъ самъ Государь.

— „Извините, говорю, Ваше Величество..., не зналъ, что вы хотите пожаловать сюда...“.

— Ничего, братецъ, ничего! Не пужайся, отвѣтилъ Государь,

силъ остаться, но только съ тѣмъ, чтобы и жену его приняли на службу. Дирекція исполнила всѣ его требованія“... „Кромѣ игранихъ имъ превосходно драматическихъ ролей, замѣчаетъ г. Лавровъ далѣе: онъ очень оригинально и хорошо исполнилъ и комическія роли, какъ, напримеръ, Яичницу („Жепитьба“) и Землянику („Ревизоръ“). Артистъ съ огромнымъ талантомъ“.

А вотъ и дальнѣйшія воспоминанія г. Лаврова объ „артистѣ съ огромнымъ талантомъ“:

„Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова знающіе его актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ запоємъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали, но въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія собралось насъ нѣсколько товарищей, что-бы провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакштатскаго или сантуринскаго, а кто вегеринскаго (греческаго вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, торговые дѣти, соблазнили вы меня! Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго, давно я его не пивалъ. „И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ отвезти его къ себѣ на почлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то эту самую машину подальше-то и не дотащилъ бы. Съ этого вечера и по-

шелъ нашъ Н. Х. пить, да такъ, что и удержу не было. Спасибо, жена его скоро пріѣхала, ну и уняла“.

Далѣе г. Лавровъ пересказываетъ нѣкоторые изъ импровизаций Рыбакова. Приводимъ самую типичную и самую забавную изъ нихъ, все на ту же тему о близости его съ Царской Фамиліей.

— Меня самъ Государь Николай Павловичъ знаетъ, сказалъ какъ-то разъ Рыбаковъ.

— Гдѣ же это вы съ нимъ познакомились? смиренно, но лукаво вопрошаетъ Дорошенко.

— Дураки! Гдѣ познакомился?... Да развѣ онъ мало видѣлъ меня на сценѣ?... А потомъ въ бытность мою въ Севастополѣ пошелъ я одинъ разъ купаться. Тамъ была особая купальня для высшихъ лицъ. Ну, конечно, какъ меня всѣ знали и любили, то безъ всякаго затрудненія и позволили ходить въ эту купальню. Въ это же время въ Севастополѣ изволилъ пребывать Государь Николай Павловичъ. Вотъ хорошо! Купаюсь я себѣ; вдругъ, входитъ, какъ мнѣ показалось сначала, генералъ величественнаго вида... Я хотѣлъ, было, изъ вѣжливости выдти изъ воды, какъ слышу:

— А!... Николай Хрисановичъ!... Здорово, братецъ!... Какъ поживаешь? „Какъ глянулъ я, такъ и вздрогнулъ,—это былъ самъ Государь.

— „Извините, говорю, Ваше Величество..., не зналъ, что вы хотите пожаловать сюда...“.

— Ничего, братецъ, ничего! Не пужайся, отвѣтилъ Государь,

силъ остаться, но только съ тѣмъ, чтобы и жену его приняли на службу. Дирекція исполнила всѣ его требованія“... „Кромѣ игранихъ имъ превосходно драматическихъ ролей, замѣчаетъ г. Лавровъ далѣе: онъ очень оригинально и хорошо исполнилъ и комическія роли, какъ, напримеръ, Яичницу („Жепитьба“) и Землянику („Ревизоръ“). Артистъ съ огромнымъ талантомъ“.

А вотъ и дальнѣйшія воспоминанія г. Лаврова объ „артистѣ съ огромнымъ талантомъ“:

„Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова знающіе его актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ запоємъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали, но въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія собралось насъ нѣсколько товарищей, что-бы провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакштатскаго или сантуринскаго, а кто вегеринскаго (греческаго вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, торговые дѣти, соблазнили вы меня! Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго, давно я его не пивалъ. „И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ отвезти его къ себѣ на почлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то эту самую машину подальше-то и не дотащилъ бы. Съ этого вечера и по-

шелъ нашъ Н. Х. пить, да такъ, что и удержу не было. Спасибо, жена его скоро пріѣхала, ну и уняла“.

Далѣе г. Лавровъ пересказываетъ нѣкоторые изъ импровизаций Рыбакова. Приводимъ самую типичную и самую забавную изъ нихъ, все на ту же тему о близости его съ Царской Фамиліей.

— Меня самъ Государь Николай Павловичъ знаетъ, сказалъ какъ-то разъ Рыбаковъ.

— Гдѣ же это вы съ нимъ познакомились? смиренно, но лукаво вопрошаетъ Дорошенко.

— Дураки! Гдѣ познакомился?... Да развѣ онъ мало видѣлъ меня на сценѣ?... А потомъ въ бытность мою въ Севастополѣ пошелъ я одинъ разъ купаться. Тамъ была особая купальня для высшихъ лицъ. Ну, конечно, какъ меня всѣ знали и любили, то безъ всякаго затрудненія и позволили ходить въ эту купальню. Въ это же время въ Севастополѣ изволилъ пребывать Государь Николай Павловичъ. Вотъ хорошо! Купаюсь я себѣ; вдругъ, входитъ, какъ мнѣ показалось сначала, генералъ величественнаго вида... Я хотѣлъ, было, изъ вѣжливости выдти изъ воды, какъ слышу:

— А!... Николай Хрисановичъ!... Здорово, братецъ!... Какъ поживаешь? „Какъ глянулъ я, такъ и вздрогнулъ,—это былъ самъ Государь.

— „Извините, говорю, Ваше Величество..., не зналъ, что вы хотите пожаловать сюда...“.

— Ничего, братецъ, ничего! Не пужайся, отвѣтилъ Государь,

силъ остаться, но только съ тѣмъ, чтобы и жену его приняли на службу. Дирекція исполнила всѣ его требованія“... „Кромѣ игранихъ имъ превосходно драматическихъ ролей, замѣчаетъ г. Лавровъ далѣе: онъ очень оригинально и хорошо исполнилъ и комическія роли, какъ, напримеръ, Яичницу („Жепитьба“) и Землянику („Ревизоръ“). Артистъ съ огромнымъ талантомъ“.

А вотъ и дальнѣйшія воспоминанія г. Лаврова объ „артистѣ съ огромнымъ талантомъ“:

„Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова знающіе его актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ запоємъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали, но въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія собралось насъ нѣсколько товарищей, что-бы провести вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакштатскаго или сантуринскаго, а кто вегеринскаго (греческаго вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, торговые дѣти, соблазнили вы меня! Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго, давно я его не пивалъ. „И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ отвезти его къ себѣ на почлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то эту самую машину подальше-то и не дотащилъ бы. Съ этого вечера и по-

шелъ нашъ Н. Х. пить, да такъ, что и удержу не было. Спасибо, жена его скоро пріѣхала, ну и уняла“.